

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

**«Я ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ОСВОБОДИТЕЛИ
ОТ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ИГА!!»:
ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЛА
ВЛАДИМИРА НАРБУТА**

Аннотация. В статье речь идет о судьбе поэта-акмеиста Владимира Нарбута, попавшего в водоворот российских революционных событий конца 1910-х годов. Впервые полностью публикуются показания Нарбута деникинской контрразведке, куда поэт попал в 1919 г. Ставшие известными партийному начальству девять лет спустя, эти показания привели к изгнанию Нарбута из партии и со службы. Также публикуется письмо Нарбута А.А. Солцу, одному из руководителей ЦКК ВКП (б), написанное в марте 1929 г. В письме поэт поясняет обстоятельства ареста 1919 г. и пытается оправдаться.

Ключевые слова: В.И. Нарбут, акмеизм, Гражданская война, Воронеж, Ростов-на-Дону, газета «Правда».

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва. E-mail: dmfeld@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman. «I Greet You, Liberators from Bolsheviks' Yoke!!»: From V. Narbut's Personal File

Abstract. The subject of the article is the fate of V. Narbut, the famous «acmeist» poet. In 1919, in the whirlwind of revolution events, he was captured by Denikin's secret service and made a statement against Soviet authorities. Its full version is presented in this work for the first time. Nine years later, the statement became known to the Communist party leaders, after which Narbut was expelled from the party and lost his job. Another document published in this article is Narbut's letter to A.A. Solts, one of the Communist leaders of the

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

1920 s. The poet attempted to clarify the circumstances of his arrest in 1919 and thus justify himself.

Keywords: V.I. Narbut, Acmeism, Civil war, Voronezh, Rostov-na-Donu, the newspaper «Pravda».

**Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of History, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU) Moscow;
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru**

**Feldman David Markovich – Doctor of History, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow.
E-mail: dmfeld@inbox.ru**

Владимир Иванович Нарбут (1888–1938) – публицист, журналист, поэт-акмеист, хорошо известен в отечественной истории и литературе. Потомок небогатого дворянского рода, он родился на хуторе Нарбутовка в Глуховском уезде Черниговской губернии. Учился на нескольких факультетах Санкт-Петербургского университета, но ни один из них не окончил, печататься начал в 1908 г. Скандальную популярность ему принес сборник стихов «Аллилуйя» (1912). Свойственная стихам Нарбута «божественная физиология» (выражение О.Э. Мандельштама) [10, с. 144] стала причиной конфискации полицией – по решению суда – уже отпечатанного тиража сборника.

Столь же «физиологичны» были и многие другие произведения Нарбута, не вошедшие в сборник. По поводу одного из них В.П. Катаев вспоминал: «В стихах, которые я прочел, точек было больше, чем слов. И клянусь, я эти точки яростно заполнил» [4, с. 74].

Не попавший на войну из-за сильной хромоты, Нарбут тем не менее принял активное участие в революции. Эсер, а потом и большевик, он после Февральской революции входил в Глуховский совет, в начале 1918 г. при падении некой «банды» потерял кисть руки (см. об этом ниже). В том же 1918 г. он организовывал большевистскую прессу в Воронеже, год спустя уехал в Киев, где много печатался в советских изданиях.

Затем Нарбут оказывается в занятом белыми Ростове-на-Дону, где его узнают и в начале октября 1919 г. арестовывают. В тюрьме он провел два месяца; один из них – в тифу. Затем Ростов был занят красной конницей, поэта освободили – и он продолжил советскую карьеру. Организовывал советскую печать в Николаеве, Одессе и Харькове, возглавлял ЮгРОСТА (Южное отделение Всеукраинского бюро Российского Телеграфного Агентства) и РАТАУ (Радиотелеграфного агентства Украины), основал несколько крупных газет советской Украины, издавал журналы.

Потом, уже в Москве, Нарбут организовал и возглавил знаменитое издательство «Земля и фабрика» («ЗИФ»), стал ответственным редактором журнала «30 дней» и ряда других изданий, познакомился со многими начинающими литераторами, для некоторых стал другом и покровителем. Достиг больших чинов в большевистской иерархии: был заведующим книжно-журнальным подотделом Отдела печати ЦК ВКП (б).

«Работать хочу только в области печати. Хорошо знаю редакционное и книгоиздательское дело», – сообщал он о себе в партийной анкете 1926 г. [11, л. 3].

Однако в итоге его судьба сложилась трагически: в 1928 г. он был – по решению Центральной контрольной комиссии ВКП (б) – исключен из партии и изгнан со службы, а в октябре 1936 г. арестован и вскоре осужден на пять лет лагерей. В Магадане, где он отбывал заключение, ему предъявили новое обвинение. 14 апреля 1938 г. Владимир Нарбут был расстрелян – и впоследствии, естественно, реабилитирован.

* * *

3 октября 1928 г. газета «Правда» опубликовала следующий текст: «Ввиду того, что Нарбут Владимир Иванович скрыл от партии, как в 1919 г., когда он был освобожден из ростовской тюрьмы и вступил в организацию, так и после, когда дело его разбиралось в ЦКК (Центральной Контрольной комиссии ВКП (б). – *О. К., Д. Ф.*), свои показания денкинской контрразведке, опорочивающие партию и недостойные члена партии, – исключить его из рядов ВКП (б)».

Комментарии к этой заметке предпринимаются давно [см., напр.: 3; 1, с. 39; 2, с. 174; 6; 7; 15; 16, с. 121–122]. О том, каким образом нарбутовские «показания денкинской контрразведке» стали известны большевикам, почему они не были обнародованы сразу после обнаружения и какое значение имели для советской литературы и журналистики, размышляли и авторы этих строк [5].

Между тем сами эти показания, ставшие причиной катастрофы 1928 г., до сих пор не были опубликованы. Они хранятся в составе персонального дела коммуниста Нарбута в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [12].

Ниже публикуются как показания, так и личное письмо, отправленное Нарбутом А.А. Сольцу, входившему тогда в Президиум ЦКК. Подробно рассказывая о своей работе с 1917 г., исключенный из партии Нарбут просил, чтобы адресат, которого называли «совестью партии», оценил, справедливо ли наказание и соответствует ли оно провинности. Стоит отметить, что письмо не помогло: Нарбута не восстановили ни в партии, ни на службе.

Документы эти сами по себе весьма красноречивы. Они прекрасно воссоздают атмосферу революционных событий в России, Гражданской войны и первых лет советской власти.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, сокращения раскрываются в треугольных скобках, показания сопровождаются минимальными комментариями. Общеизвестные имена и реалии не комментируются.

I

Протокол допроса В.И. Нарбута от 9 ноября 1919 г., Ростов-на-Дону¹

Протокол

1919 г. октября 9 дня, г. Ростов на Дону. Я, офицер для производства дознаний при Ростовском на Дону контрразведывательном пункте, губернский секретарь Сукачев, в порядке 23 ст<атьи> правил о местностях, объявленных на военном положении², допрашивал нижепоименованного в качестве...³ который показал: зовут меня Владимир Иванович Нарбут, вероисповедание: из православн<ого>. Имею от роду 31 год, проживаю: проездом. На предложенные вопросы отвечаю: до конца февраля 1919 г. я проживал в Глухове, где последние месяцы лежал в земской больнице, так как 2-го января 1918 г. во время большевистского переворота при нападении большевиков на свой дом в селе Хохловка, Глуховского уезда, был ранен 4-я ружейными пулями и потерял левую руку. В конце февраля или в начале марта я с женой и ребенком⁴ убежал в Воронеж, откуда родом была моя жена и где проживали ее родственники и знакомые. Убежал я потому, что боялся местных большевиков, которые не раз приходили к больнице и узнавали, жив ли я. Кроме того, к отъезду меня побудило и то обстоятельство, что незадолго перед тем в Глу-

---

1. Показания написаны рукой следователя Сукачева и подписаны Нарбутом собственноручно.

2. «Правила о местностях, находящихся на военном положении», подписаны императором Александром III 18 июня 1892 г. Согласно п. 23 этих правил, при объявлении военного положения полиция получала право задерживать на срок не свыше двух недель лиц, которые «внушают подозрение» в совершении государственных преступлений.

3. Пропуск в тексте.

4. Первой женой Нарбута с 1914 г. была Нина Ивановна Лесенко; в этом браке в 1915 г. родился сын Роман; впоследствии Нарбут развелся с ней и в 1922 г. женился вторично – на С.Г. Суок.

хове произошел большой погром жителей приехавшим большевистским отрядом. Во время погрома я и моя семья пострадали вторично, потеряв остатки имущества. В городе ожидали, кроме того, еще и разных зверств. Прибыв в Воронеж в марте, я сперва нигде не служил и жил с семьей на те небольшие средства, которые остались у меня (в виде жалования, выданного мне в Глухове за службу в земстве). Когда средства иссякли, я вынужден был поступить на службу к большевикам.

Служил я у них в Воронеже членом редколлегии газеты «Известия»⁵ и был в газете этой до тех пор, пока не открылась граница через Украину⁶, тогда в марте, т.е. приблизительно через год, я добрался до Киева. Во время моего пребывания в Воронеже я никуда из города не уезжал, если не считать одной или двух поездок в Москву и Петроград за покупкой бумаги и к знакомым литераторам (Алексею Михайловичу Ремизову, Георгию Ивановичу Чулкову⁷, Алексею Блоку⁸, художнику Д. Митрохину⁹ и др.). Председатель редакционной коллегии все время был С. Ерман, я же был рядовым членом, которому тот же Ерман (беженец из Кременчуга) и его приятель А. Савин¹⁰ (оттуда же) сперва относились недоверчиво, часто спрашивая меня, где я потерял руку, на что, конечно, я вынужден был сочинять всякие небылицы.

Наконец, приблизительно в конце мая или конце июня 1918 г. Ерман, питавший большую склонность к литературе и знавший меня как поэта, сотрудника журналов «Нива», «Вестник Европы», «Аполлон», «Современный мир»¹¹, сказал мне, что мне необходимо записаться в партию большевиков,

---

5. Газета «Известия Воронежского губернского исполнительного комитета» выходила с мая 1917 г. и несколько раз меняла названия.

6. Возможность для жителей России эмигрировать в Европу через Украину открылась летом 1918 г., в связи с приходом к власти на Украине гетмана Скоропадского и признанием большевиками режима Скоропадского.

7. Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель, с 1921 г. в эмиграции. Чулков Георгий Иванович (1879–1939) – писатель, критик, историк литературы.

8. Так в тексте. Имеется в виду поэт Александр Александрович Блок (1880–1921).

9. Митрохин Дмитрий Исидорович (1883–1973) – художник, книжный график, искусствовед.

10. Ерман Самарий Исаакович (1896–1922) – революционер, большевик с 1917 г., с февраля 1919 г. председатель Кременчугского ревкома. В августе 1919 г., когда город был занят войсками А.И. Деникина, бежал в Воронеж, где возглавил советскую газету. Убит в 1922 г. Аркадий Наумович Савин, также вступивший в партию в 1917 г., был ближайшим соратником Ермана. Ерман, Савин и Нарбут были, согласно официальным данным, членами редколлегии газеты «Известия Воронежского Губисполкома», обладавшими равными правами, и получали одинаковые зарплаты [см.: 8, с. 169].

11. «Нива» – общественно-политический журнал, выходил в 1869–1918 гг. «Вестник Европы» – литературно-политический журнал, выходил с 1866 по 1918 г. «Аполлон» – иллюстрированный журнал, посвященный вопросам литературы и искусства,

иначе мое место займут другие (до записи я занимался только тем, что вырезывал информации провинциальных газет), находясь в полуненормальном потрясенном состоянии (во время нападения на мою усадьбу был убит мой любимый брат Сережа, офицер, только что вернувшийся с фронта, кроме того, я потерял из виду всех своих близких¹²: брат художник¹³, как потом оказалось, жил в Киеве, куда прибыл и мой отец, спасшийся от бандитов удачно. Мать и сестра с мужем офицером¹⁴ были сперва в Турции, затем в Тифлисе, но я этого не знал. Два других брата тоже были вдалеке: один в австрийском плену, другой я не знал где), я после долгих и жестоких колебаний вынужден был дать согласие и, кажется, 15 рублей на какие-то взносы в партию. Сам я никогда ни в комитетах, ни на митингах не был и через 3–4 месяца был исключен из партии за невзнос следуемых денег.

Так дело обстояло до тех пор, пока в августе-сентябре <19>18 г. я не узнал вдруг, что почти все мои близкие живут в Киеве и отец занимает должность помощника уездного начальника. С тех пор я стал рваться домой, но попав однажды в большевистскую паутину, трудно из нея выбраться. Не раз, сознаюсь, я писал, вынужден был писать разные гадости о гетмане¹⁵ и противниках советской власти, да, я делал это, и каждый раз мне казалось, что я оплевываю самого себя, что я творю нечто ужасно гнусное и все-таки я, повторяю, не раз делал это, но, с другой стороны, я всей душой, всем своим существованием ненавидел большевиков, оторвавших у меня все, лишивших меня всего, всего дорогого, не говоря о калечестве. Но я не видел выхода для себя, а может быть, главной причиной стряхнуть с себя большевистскую тину была апатия, болезненное состояние и боязнь окончательной расправы

выходил в 1909–1917 гг. «Современный мир» – общественно-политический журнал, выходил в 1906–1918 гг. вместо закрытого в административном порядке журнала «Мир Божий».

12. Согласно заметке, опубликованной в газете «Глуховский вестник» в январе 1918 г., «в дер. Хохловка, Глуховской волости, в усадьбе Лесенко было совершено вооруженное нападение неизвестных злоумышленников на братьев Владимира Ивановича и Сергея Ивановича Нарбут<ов> и управляющего имением Миллера. Владимир Иванович Нарбут ранен выстрелом из револьвера. Ему ампутирована рука. Сергей Иванович Нарбут и Миллер убиты, жена Миллера ранена» [1, с. 27]. О том, каких именно взглядов придерживались «злоумышленники» и почему они напали на семью Нарбутов, в научной литературе идут споры.

13. Имеется в виду Нарбут Георгий Иванович (1886–1920) – художник, график. Жил в Киеве с марта 1917 г.

14. Отцом В.И. Нарбута был Иван Яковлевич Нарбут (1858–1919) – до революции 1917 г. помещик-однодворец и мелкий чиновник, мать – Неонила Николаевна Нарбут (урожд. Махнович, 1859–1936); в семье Нарбутов было девять детей.

15. Имеется в виду Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – с апреля по декабрь 1918 г. гетман Украины.

с собой, ибо со времени ночного нападения во мне живет какой-то огромный, чисто животный, суеверный ужас перед смертью. Однако и тут я как-то не придавал большого значения моим газетным гадостям (ибо газета выпускалась в ничтожном количестве экземпляров), вернее, я старался самозабвуться, как бы уснуть...

Великая трагедия, говорю откровенно, жила в моей душе и вряд ли у меня хватит слов изобразить ее. Все же никому никогда и никаких решительных пакостей я не делал, наоборот, всячески старался при случае помочь своему же классовому другу, человеку своей сферы. Так, благодаря...¹⁶ «веским» в Воронеже большевикам, мне и только мне удалось вырвать из чрезвычайки (Ерман тогда был ее заведующим¹⁷) крупного землевладельца и помещика Федора Александровича Фаленберга¹⁸. Кроме того, я всегда стремился покрыть и спасти своего человека из неприятного положения. Многие воронежцы могут засвидетельствовать это своими показаниями (среди таких людей могу назвать учительницу Елизавету Васильевну Скрутковскую и ее сына артиллерийского офицера – Бориса Казимировича, Миграна Матвеевича Тукельяна и Степана Карповича Говсеньяна, богатых армян, у которых я жил на квартире, и др.). В политической жизни решительно никакого участия не принимал. При помощи связи все того же Ерманна добился издания в Воронеже лит<ературно->художественного (без политики) журнала «Сирена»¹⁹, изданием которого поддерживал существование многих московских и петроградских литераторов (они все могут подтвердить это). Журнал этот ругали ругала и московская, и петроградская большевистская пресса, на него (а за ним и на меня) стали коситься воронежские большевики, и у меня опять усилился страх перед смертью. Журнал закрыли, отказав ему в средствах, и меня не назначили уже членом редакции, словом, в конце <19>18 г. мне стало казаться, что моя «защитная окраска» спадает и что я могу легко попасться, но тут меня спасло положение вещей.

На Украину хлынули большевики, устремился туда и «благоволивший» ко мне еврей Ерман, положение которого в Воронеже к тому же сильно поколебалось. И вот, правдами и неправдами, Ерман устраивает мне как бы партийную командировку на Украину. С этим мандатом я благополучно прибыл в Харьков, а оттуда через короткое время в Киев. Видеть родных, близких,

---

16. В оригинале край страницы обрезан.

17. Сведения о работе С.И. Ерманна в «чрезвычайке», а тем более в качестве «заведующего» документально не подтверждаются [см.: 13].

18. Фаленберг Федор Александрович (ум. 8.10.1918 г.) – отставной штабс-капитан, земский деятель, до революции 1917 г. вместе с братом Петром владел крупными участками земли в Воронежской губернии. Расстрелян большевиками в Воронеже.

19. «Сирена» – «пролетарский двухнедельник», издававшийся Нарбутом в Воронеже в 1918–1919 гг., действительно был литературно-художественным изданием.

мать, братьев, отца, жену, ребенка было единственным моим желанием. К этому времени (даже, может быть, и раньше) у меня окончательно созрела сила порвать (обрезана страница), но связывали меня с убийцами и грабителями. Ненависть к ним возросла у меня еще больше, и я с лихорадочным вниманием прислушивался ко всему тому, что говорилось о походе против большевиков. Я уже знал, уже точил нож мести против тех убийц (я поклялся перед трупом брата убить их, я их знаю!), которые напали тогда ночью... но судьба опять толкнула меня в лапы поработителей.

Приехав в Киев, я застал следующее дома: все родные голодают в буквальном смысле этого слова, оказывается, из Глухова, где мой отец был помощником уездного начальника и принимал участие в карательных экспедициях против большевиков, – не только нет куска хлеба, но приходится отцу жить в образе настоящего уличного босняка. Это было ужасно, это было сверх моих сил. И, когда прошли слезы радости встречи, я, ненавидя своих вечных (они мне стали казаться такими) врагов, пытаюсь получать побольше жалования, лишь бы спасти родных от голода. Но к партии решительно, категорически никакого отношения уже не имел. Правда, в бесчисленных анкетах учреждений я в графе «партийность» продолжал писать ту же спасительную ложь «коммунист», «сочувствующий», но это делали почти все служащие, и ни на митинги никуда не хожу, денег ни гроша на партийные дела не плачу, сижу дома все дни с родными. Продолжаю все так же чутко относиться к ропоту того приюта антибольшевизма, который уже катится... С мая я уже ясно ощущаю в себе великую радость приближающегося освобождения родины от угара, но животный страх, усиленный ужасами киевской чрезвычайки, все еще властвует над моей измученной, разбитой душой...

Я стараюсь осторожно, озираясь, уйти от всякого, даже газетного, зла. Сперва служил в БУП (Бюро украинской печати)²⁰, где решительно ничего за полтора месяца не сделал, ни написал ни одной бумажки и откуда меня уволили. Затем в погоне за существованием родных, дороговизна все росла, а на мне лежала обязанность (обрезано) одновременно в учреждениях: в Совнархозе²¹, где оцениваю с художественной стороны стихи (это отнимало чрезвычайно мало времени, 1–1½ в неделю, и делать было нечего), в редакции – издательском отделе, где поправляю брошюры и статьи с литературной точки зрения, в журнале «Красный офицер»²², куда должен доставить от авторов

---

20. БУП (Бюро украинской печати) создано в конце 1918 г.; занималось организацией украинской советской прессы, а также вопросами пропаганды и агитации.

21. Совнархозы (Советы народного хозяйства) – органы управления экономикой, созданные после революции 1917 г. и существовавшие до 1932 г.

22. Газета «Красная армия» была органом Народного комиссариата по военным делам Украины.

рассказы и стихи (не политического содержания) и в литературно-художественном комитете, где редактирую, вернее, исправляю (так как надо мною не было редактора) стихи чисто художественного содержания для помещения в журнале «Зори». Таким образом мне удастся доставить родным некоторое подобие существования (недоедание оставалось все время).

Лучшим показателем моей «работы» были такие результаты: за 6 месяцев большевистской власти в Киеве журнал (литературно-художественный, без политики) «Зори» вышел только в числе одного номера. В Совнархозе я проредактировал только 3 стихотворения (это с мая по август). В редакционно-издательский отдел я, не успевая объезжать все учреждения, являлся всего на 1/2 часа, редко 1–1½ в день и почти все это время ничего не делал, стремясь улизнуть к машинисткам в их комнату и сидеть там. За то получал не раз выговоры по службе. Наконец, в журнал «Красный офицер», которого вышло при мне 3 №№, поставил 4–5 рассказов и до 10 стихов. Но и здесь на меня вскоре и после 2-х выговоров, предложили мне уйти (особенно в вину ставилось дело литератора И.М. Василевского (Не-Буквы²³), который был служащим-сотрудником журнала и которого, как «антибольшевистский элемент», забрала чрезвычайка).

Так, волнуясь и зорко следя за продвижением добрармии, я жил в Киеве. С мая, повторяю, у меня уже стали отрастать крылья бодрости. По всему, всем признакам я уже знал, что освобождение близко, что вот-вот еще немного, и я буду снова я, я буду собой. О, свобода, это – все. Как легко, казалось мне, вздохну я, когда придут добровольцы-освободители. И тайком, в глубине души, захоронил я мысль – остаться в Киеве, никуда больше не уезжать, быть дома. Угрызения совести с каждым днем мучили меня все сильнее и сильнее! Каким гаденьким являлся я часто самому себе – каким ничтожным, трусливым!.. Ведь, скрывая даже родного отца, бывшего земского начальника, у себя на дому, я дрожал от страха при мысли, что сейчас вот придет чрезвычайка и откроет отыскиваемого ею и спрятанного мною отца. Таким же страхом холодел мой разум, что откроют подложность документа, устроенного мной для также искавшегося той же чрезвычайкой студента В.А. Грунау... Это описать я не в силах, да и вряд ли можно... выразить на человеческом языке.

Я был игрушкой, жалкой игрушкой в руках моей судьбы. Но, говорю еще раз, я не видел до первого звона побед добрармии ни одного просвета. Храбрость же во мне была тоже убита еще 2-го января 1918 г., и я был ничтожен

---

23. Василевский Илья Маркович (1882–1938) – журналист, после революции эмигрировал, в 1923 г. вернулся в СССР; расстрелян. Печатался, в частности, под псевдонимом Не-Буква.

и жалок... Так было до прихода добрармии в Киев²⁴. Но вот и – спасение! Но нет радости в моем сердце – опять там трусость и бесконечные жестокие угрызения совести, она мучит меня медленно, но верно. Я задыхаюсь, не могу больше выдержать – я борюсь (какая злая борьба!) с трусостью, я не могу ее победить, я хочу идти сам с повинной к новой, своей власти, власти-освободительнице и... не могу... Наконец, положение становится невыносимым. Мне чудится, что если...²⁵ Тифлис, я под солнцем смогу там успокоиться, прийти хоть немного в себя. Но как поехать, ведь нужен пропуск, а его выдает контрразведка?

Наконец, решаюсь (это похоже на то, как броситься в холодную воду). Подаю в общем порядке прошение о разрешении мне выезда в Ростов. Думаю так: если арестуют, тем лучше, – сразу все развяжется; если нет, – на юге обдумаю все, как следует... Живу в Киеве при добрармии, не скрываясь, ареста нет. Порой начинает мниться, что я действительно не сделал ничего особенного, но нет, нет, – я подл, трус и гадок! Так живу, мучусь, уже полупереступив порог к самопризнанию, неделю-две. Пропуска нет. Ах, это ожидание, эта пытка!

Наконец встречаюсь с знающим меня по Петрограду Н.А. Чернявским, сыном нынешнего киевского губернатора²⁶. И он предупредительно устраивает мне пропуск на пароход «Петроград», отходящий в Екатеринослав. А на пристани, за час до отправления парохода, узнал от другого знакомого, что и киевской контрразведкой выдан мне пропуск! Вот в Екатеринославе я уже в «безопасности», но совесть не перестает мучить меня, – напротив, как будто туже натягивает на мне петлю... И вдруг арест в Ростове, на вокзале. Сперва страх – граничащий с ужасом, затем чувство медленно остывающего успокоения и, наконец, почти как чудо, ощущение какого-то удовлетворения. Все чаще и чаще приходит на ум: что ж, так и надо, так...²⁷ ясно чувствую, как сваливается у меня гора с плеч... Еще не совсем, но уже двинулась...

* * *

Все то, что я изложил здесь, искренно и правдиво. Может, я неумело и не совсем полно (в мелочах) изложил свои мысли, может, кое-что упустил (тоже мелочь) из памяти. Я всегда, в любое время готов пополнить этот пробел. Теперь (хотя, может статься, это и неинтересно) скажу о своем отношении к тем, кто освободил, кто освобождает Россию. Я (это не красивая фраза)

---

24. Добровольческая армия вошла в Киев 18 (31) августа 1919 г.

25. В оригинале край страницы обрезан.

26. Имеется в виду Чернявский Николай Андреевич (Колау Чернявский, 1893–1945) – поэт, сын Андрея Гавриловича Чернявского (1887 –?), действительного статского советника, с сентября 1919 г. губернатора Киева.

27. В оригинале край страницы обрезан.

приветствую их, стойких и мужественных! Я завидую их смелости и отваге, которых у меня нет! Я шлю (если они позволят мне сказать это) свой земной поклон!..

Я приветствую Вас, освободители от большевистского ига!! Идите, идите к Москве, идите, пусть и мое мерзкое, прогнившее сердце будет с вами... Только не отталкивайте меня зря!.. О, как я буду рад, если мне будет дано право участвовать в деле обновления России. А может, возможно и мое возрождение? Не знаю, но все то, что я написал, правда – они (так) первой до последней строки. Это – моя исповедь...

Лица, могущие сказать обо мне или кое-что, или подробнее: здесь (случайно): Владимир Эльснер (редакция журнала «Орфей»), Евгений Лансере (кажется, если это художник в той же редакции), Э.Д. Гримм (он, кажется, должен помнить меня по С<анкт->Петербуржскому университету²⁸, – я ему как-то раз преподнес свою книгу...²⁹ (Дмитриевская 107).

В Киеве обо мне могут дать сведения: бывш<ий> секретарь Черниговского дворянства Вадим Львович Модзалевский³⁰ и поручик Николай Сергеевич Бобриевич (оба живут по Георгиевскому пер., 11, кв. 2). Кроме того, меня знает Николай Андреевич Чернявский, Владислав Августович Грунау и мн. др. В Новочеркасске сейчас находятся (адреса точно не знаю, вероятно, в одной из гостиниц) – Евгения Петровна и Вера Ивановна Фаленберг, их родственница (имени не помню), сами едва вырвавшиеся из Воронежской чрезвычайки и могущие подтвердить, что я способствовал освобождению Федора Александровича Фаленберга, взятого заложником, из чрезвычайки в Воронеже.

1919 г. 9/Х Владимир Нарбут

Показания писал собственноручно – Владимир Нарбут.

Офицер для производства дознан<аний> (Сукачев)

С подлинным верно: Генкин³¹

[12, л. 72–78]

---

28. Эльснер Владимир Юрьевич (1886–1964) – поэт, литературный критик, редактор литературного журнала «Орфей», выходившего в 1919 г. в Ростове-на-Дону. Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946) – художник-монументалист, график, автор театральных декораций. Гримм Эрвин Давидович (1870–1940) – историк, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1920 г. эмигрировал, спустя три года вернулся в СССР.

29. В оригинале край страницы обрезан.

30. Модзалевский Вадим Львович (1882–1920) – историк, автор работ по генеалогии и геральдике.

31. Генкин Яков Михайлович (1888–1970) – в 1929 г. начальник отдела ОГПУ. С чем связана его удостоверяющая подпись на подлиннике документа, установить не удалось.

II

Письмо В.И. Нарбута А.А. Сольцу от 6 марта 1929 г.³²

Уважаемый товарищ Сольц!

Прошло уже почти полгода, как я исключен из рядов ВКП (б) за то, что скрыл от партии свои показания белогвардейской контрразведке в 1919 году, – полгода крайне тяжелого морального состояния, горького разочарования во вчерашних «друзьях», самопроверки, материальных лишений, всяческих унижений и обид. Удар был слишком неожиданен и серьезен, чтобы можно было за этот короткий срок свыкнуться со случившимся. Последнее часто казалось мне (и все еще продолжает казаться) просто скверным сном, чем-то до ужаса неправдоподобным... И, однако, факт остается фактом: опозоренный (через опубликование постановления ЦКК³³ в «Правде» и во всей прессе, что, как известно, практикуется лишь в редких случаях), я вышвырнут из партии после одиннадцатилетнего пребывания в ней, я предоставлен самому себе после того, как в течение девяти лет (я беру лишь время со дня совершения проступка) я искреннейшим образом отдал все свои силы, инициативу, знания партии, делу строительства социализма. В этом не может быть никаких сомнений, это могут подтвердить сотни лиц, работавших со мной рука об руку, об этом говорит, наконец, сама действительность... И как трудно, чудовищно трудно, товарищ Сольц, выкарабкаться мне из той пропасти, в которой я очутился!..

Не так давно я прочел в «Правде» Вашу статью «Как провести чистку»³⁴, и это дало мне повод обратиться к Вам с настоящим письмом. Вы пишете: «Обязанности, которые возлагаются сейчас на члена партии, гораздо сложнее. Они требуют большой выдержки, устойчивости, готовности изо дня в день бережливо, экономно, по-хозяйски хорошо, не считаясь с узколичными интересами, выполнять возложенную на них работу (на производстве,

---

32. Письмо представляет собой машинопись с собственноручной подписью Нарбута. Сверху резолюция рукой А.А. Сольца: «Я считаю, что оснований для пересмотра нет. Вы можете работать, но в партии для вас места не может быть. А. Сольц. 16. III».

33. Центральная контрольная комиссия (ЦКК) РКП (б) – ВКП (б) – высший орган партийного контроля, существовал в 1920–1934 гг. В сферу компетенции ЦКК входил, в частности, разбор личных дел коммунистов. Комиссия имела право налагать на коммунистов взыскания вплоть до исключения из партии.

34. Статья Сольца «Как провести чистку» опубликована: [14]. «Чистки» в партии практиковались до середины 1930-х годов; в ходе «чисток» проверялось соответствие коммунистов предъявляемым к ним требованиям. «Чистка» 1929 г. была направлена на исключение из рядов ВКП (б) сторонников Л.Д. Троцкого.

в советском учреждении, в сельском хозяйстве). С такими именно требованиями должны будут подходить проверочные комиссии к членам партии...

Проверочные комиссии должны решить вопрос: быть или не быть тому или иному товарищу в партии, а не давать оценку отдельному случаю в поведении партийца. И дальше: «...Мы чистим свою партию и должны относиться к этому делу во всяком случае бережно и внимательно...»

И еще ниже: «...много внимания и сугубую осторожность надо будет приложить, когда дело идет не о явно негодных элементах, а о тех членах партии, которые не удовлетворяют требованиям, так настойчиво выдвигаемым сейчас партией, не умеющих свои интересы слить с интересами строящего коллектива, не умеющих по-новому жить, действовать и строить. В партии могут быть только строители социализма, а не время от времени справляющие свою партийную службу, как ее справляют служители разных культов. Для нас, членов партии, социализм не культ, которому мы приносим жертвы, а живое дело, упорно, изо дня в день нами творимое...»

Прочел и, по свойственной каждому человеку привычке, попробовал применить эти слова прежде всего к самому себе. Да, в партии должны быть не священнослужители, а строители социализма! Да, партия должна хорошо знать своих членов и должна относиться к ним бережно и внимательно!

Между тем я (возьму именно себя, как конкретный пример), причисляемый в любом случае к категории строителей социализма не за страх, а за совесть, нахожусь не только за бортом своей организации, но и советской общественности вообще. Мое сегодняшнее положение – это положение какого-то своеобразного «лишенца», негласно бойкотируемого всеми, кому не лень проделывать подобные штуки. Приведу несколько фактов: 1) бюро ячейки того учреждения, которое я же создал и которым руководил три с половиной года, вплоть до исключения из партии, сочло необходимым принять решение (о чем я узнал лишь стороной и месяц спустя) о нецелесообразности поручения мне той или иной сдельной литературной работы (даже технического характера) под предлогом, что последняя будто бы запрещена мне ЦКК. Вслед за этим я побывал у тов. Шкирятова³⁵ и узнал, что такого (якобы «секретного») запрещения нет и что я могу и должен работать в соответствующих советских учреждениях. Тогда же я вкратце изложил тов. Шкирятову план моей дальнейшей работы, который он, в общем, нашел приемлемым; 2) вскоре после этого я имел беседу с Д. Бедным, знающим меня не первый год, и выдвинул перед ним проект о создании «Толкового словаря живого русского языка» (аналогичного словарю Даля) – на новых началах: подведение общественной базы по линии краеведения, привлечение языковедов-

---

35. Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) – в 1929 г. секретарь ЦКК ВКП (б).

материалистов и т.п., положив в основу заметку Ильича «Об очистке русского языка»³⁶. С этой идеей я ношусь уже полтора года, в известной степени продумал ее, и потому мне казалось, что я мог бы взяться за организацию данного дела, требующего не только знаний, но и большой любви к себе. Демьян Бедный вполне одобрил мою мысль и согласился выступить в качестве посредника между мной и издательством «Советская Энциклопедия»³⁷, в котором я предполагал осуществить этот многолетний труд. И что же: руководители «Советской Энциклопедии» (т.т. О. Шмидт и Накоряков³⁸), ухватившись, как говорится, обеими руками за выдвинутый проект, наотрез отказались взять меня, даже в качестве секретаря этого издания³⁹. Д. Бедный, передавая мне результаты его переговоров, заметил: «Все хотят быть хорошими на Вас»... 3) почти та же участь постигла и неоднократные попытки М. Кольцова⁴⁰ добыть мне работу в том или ином издательстве. И здесь, как выяснилось, везде меня боятся пуще огня, точно представление мне работы (конечно, нужной вообще), использование меня по специальности может рассматриваться кем-либо как некое «примиренчество» по отношению к моей каре!..

Быть может, все это покажется диким, нелепым, но дело, повторяю, обстоит именно так. Ко мне применена, без преувеличения, «высшая мера наказания», бескровно, но верно убивающая меня и как работника-общественника, и как просто человека...

Передо мной не раз вставал коренной вопрос: чем заслужил я столь жестокое наказание? Не являюсь ли я тем «явно-негодным элементом», о котором упоминаете Вы в Вашей статье, и дело о котором по праву было разобрано ЦКК так срочно (в каких-либо полчаса!) и с таким ощутительным результатом?..

В партию я вступил в середине 1917 года, за полгода до Октября – вполне сознательно, не преследуя никаких выгод, ибо какая же выгода сыну

---

36. Заметка В.И. Ленина, о которой идет речь, впервые опубликована в 1924 г. [9]. Заметка посвящена борьбе с заимствованными словами в русском языке.

37. Научное издательство «Советская Энциклопедия» было создано в 1925 г.

38. Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик и географ, один из основателей издательства «Советская энциклопедия». Накоряков Николай Никандрович (1881–1970) – организатор советского издательского дела, также принимал участие в создании издательства «Советской энциклопедии».

39. Идею создания нового словаря воплотил в жизнь коллектив советских лингвистов во главе с Д.Н. Ушаковым; в 1935 г. в издательстве «Советская энциклопедия» вышел первый том «Толкового словаря русского языка» под редакцией Ушакова.

40. Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940) – журналист, в 1929 г. ответственный редактор журналов «Огонек» и «Чудак», руководитель акционерного издательского общества «Огонек»; расстрелян.

дворянина-помещика и земского начальника идти на такое дело, да еще в глухом уездном городе (г. Глухов, б<ывшей> Черниговской губ.), где, что называется, каждая собака тебя знает и каждая подворотня против тебя?! Из сохранившихся в музеях печатных матерьялов Вы можете наглядно убедиться в том, что в этот период, в течение 2 месяцев, я редактировал и издавал на свои средства ежедневный большевистский листок («Глуховская Жизнь»), выпускал листовки и предвыборные объявления (причем я шел первым по списку кандидатов Р.С.Д.Р.П. (большевиков) в городскую думу), агитировал за и проводил список № 5 (большевиков) в Учредительное собрание...

Из расспросов очевидцев каждый может узнать о том, как в эпоху Временного правительства я боролся за Советскую власть в местном земстве, на перевыборных собраниях и т.п. Никто не может отрицать также того, что я, после моего расстрела партизанами, – не знавшими меня и приходившими затем в больницу посочувствовать мне, – больной, эвакуировался (перед немецкой оккупацией) в Воронеж с согласия и при поддержке местной Советской власти, а в Воронеже тотчас же стал работать в «Известиях Губкома и Губисполкома». Моя почти годовая работа в Воронеже (главным образом в качестве члена редколлегии газеты) протекала также у всех на виду и может быть охарактеризована рядом товарищей, многие из которых находятся сейчас в Москве.

На Украину (это было уже в феврале 1919 года) я был откомандирован вместе с другими украинскими работниками и оказался в Киеве, тогдашнем украинском центре, по путевке партийных инстанций. Здесь я работал сперва в Бюро украинской печати (то же, что РОСТА⁴¹), затем зам. редактором газеты «Красная армия», органа Наркомвоена Украины⁴². В течение этого, «киевского», периода мной написан ряд агитационных брошюр и несколько десятков политических статей. Но работа протекала в условиях чисто кабинетного сиденья и полного отрыва от масс. К тому же совершенно случайно в Киеве я попал в среду своих родных, нищенское положение которых вызвало во мне понятное сострадание... В июле-августе 1919 года я заколебался, дрогнул... Оставшись в Киеве после эвакуации последнего Советской властью (за что впоследствии получил партвыговор), я чуть не на второй же день понял всю ошибочность, бессмысленность и опасность своего положения, и, добыв чужой паспорт, решил бежать подальше от фронта, в белогвардейский тыл. В смятенном состоянии добрался я до Екатеринослава, а затем, узнав, что подходит к городу Махно, и до Ростова. Здесь, ночью, на вокзале, через 1–1½ часа после прихода поезда, я и был арестован деникинской контр-

---

41. РОСТА – Российское телеграфное агентство (1918–1935).

42. Имеется в виду Народный комиссариат по военным делам Украинской ССР, существовавший в 1919–1920 гг.

разведкой. Кто выдал меня, я не знаю. Главное обвинение, которое было предъявлено мне контрразведкой, сводилось, в общем, к тому, что я: 1) вскрывал в Воронеже мощи (это соответствовало действительности)⁴³, 2) редактировал там же партийную газету (также соответствовало действительности) и 3) являлся «большевистским эмиссаром по обработке и привлечению интеллигенции на сторону Советской власти» (вздор!). В таком духе в местной белогвардейской печати («Приазовский край», «Вечернее время»⁴⁴ и др.) были помещены обо мне статьи. В контрразведке допрашивали меня не без пристрастия, угроза смертной казни нависла надо мной совершенно реально (настолько реально, что, как впоследствии передавал тов. Ингулов⁴⁵, в ряде белогвардейских газет промелькнуло даже сообщение о моем расстреле). Что было делать мне? Как поступить? Учтите, тов. Сольц, следующее: в партию я вступил 30-ти лет, с уже сложившимися взглядами; в партии я был к тому времени около 2-х лет (срок, явно недостаточный для моей «переварки»); я был уже в одной переделке (расстрел!), когда я потерял руку; общее состояние было психически-угнетенное, паническое... И в этой обстановке я дал те «недостойные члена партии» показания, о которых говорится в постановлении ЦКК, – написал то заявление, о котором Вы, вероятно, также знаете и в котором, по понятным причинам, куда больше неправды, чем правды. Утопающий хватается за соломинку, – так поступил и я: прикрашивая, привирая, измышляя (поди проверь!), я подбирал такой «материал», «подавал» его так, чтобы можно было если не поверить мне, то, по крайней мере, хоть на время приостановить уже готовое решение... Если не ошибаюсь, это проклятое заявление я писал часа 4–5; напишу, прочту, порву; опять и опять то же... Быть может, Вы сумеете понять мое тогдашнее состояние, тов. Сольц, как поверите и тому, что в течение девяти последующих лет (вплоть до исключения меня из партии!) я все время жил и работал под настоящим Дамокловым мечом, стараясь не на словах, а на деле доказать свою преданность тем (партии, классу), доверие кого я обманул в 1919 году! Тов. Сольц, я никого не предал тогда, у меня и в мыслях не было подобного! За совершенное мною преступление больше всего поплатился я же сам, и задолго до постановления ЦКК...

---

43. Имеется в виду вскрытие 3 февраля 1919 г. в Воронеже мощей Св. Митрофана Воронежского. Эта и подобные акции проводились с целью опровергнуть утверждение о «нетленных» мощах святых.

44. Газета «Приазовский край» выходила в Ростове-на-Дону в 1891–1920 гг. Газета «Вечернее время» выходила в Ростове-на-Дону в 1918–1919 гг.

45. Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – журналист и публицист, в 1919–1920 гг. секретарь Одесского губкома КП (б) Украины, в 1921–1923 гг. заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК КП (б) Украины; расстрелян.

В белогвардейской тюрьме я пробыл что-то около двух месяцев, из которых больше месяца (под конец сиденья) я проболел сыпняком в больнице. По-видимому, тиф спас меня от дальнейших допросов. Вместе со мной в тюрьме сидел целый ряд коммунистов (Майзель, Чеботарев и др.), с которыми мне приходилось сталкиваться довольно часто... Вы спросите: почему я не рассказал обо всем этом по освобождении из тюрьмы? Не хватило мужества, тов. Солыц! Я тотчас же по освобождении явился на регистрацию в партком (секретарем которого, как и подпольного комитета, была Ксения Листопад⁴⁶), – шатающийся от болезни, глухой, оборванный, босой (а дело было в начале января 1920 года)! Над городом рвалась шрапнель (Деникин в нескольких верстах, в Батайске), в некоторых домах еще отстреливались засевшие там белогвардейцы... А не сказав сразу, я уже легко покатился по наклонной дорожке скрытности, и чем дальше, тем трудней становилось мне выложить начистоту то, о чем я здесь пишу. Правда, в 1927 году – когда в связи с нападками белоэмигрантской прессы и Воронского на меня я по собственному почину возбудил в ЦКК дело о себе⁴⁷, – я хотел было рассказать все, как было, но не решился. Мне казалось, что каждый лишний год моей активной партийной и советской работы ослабляет значение моего вынужденного заявления деникинской контрразведке...

Что это – не пустые фразы, а подлинная правда, за это говорят два соображения, два обстоятельства: 1. Моя добровольная явка на регистрацию по выходе из тюрьмы. Ведь я мог и не являться, мог остаться, так сказать, беспартийным, чуждым партии человеком. Никаких личных выгод эта явка мне, разумеется, не сулила.... Не так ли? 2. Моя дальнейшая работа в партии, мое фактическое участие в социалистическом строительстве в течение девяти лет. Не так ли?

---

46. Листопад Ксения – в 1919 г. председатель подпольного Ростово-Нахичеванского комитета партии; впоследствии выбыла из партии. В 1927 г. на допросе в ЦКК она подтвердила, что «сейчас же после занятия буденновцами г. Ростова т. Нарбут явился в Ростово-Нахичеванск<ий> партийный комитет вместе с другими освобожденными из тюрьмы, был взят парткомом на учет и послан для работы в отдел образования» [12, л. 49 а].

47. «Дело о себе» в ЦКК Нарбут возбудил 20 апреля 1927 г. в связи с тем, что ответственный редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор», организатор литературной группы «Перевал», соратник Троцкого А.К. Воронский (1884–1937) публично назвал его «прохвостом, прикрывающимся коммунизмом», черносотенцем и автором порнографических стихов. Выступление Воронского Нарбут связал с нападками на себя со стороны эмигрантской прессы и обвинил своего оппонента в сотрудничестве с этой прессой. Решениями ЦКК от 25 июля и 30 сентября 1927 г. Нарбут был оправдан, а Воронскому было указано на «неправильность распространения им среди членов партии и беспартийных сведений о прошлом т. Нарбута» [12, л. 70].

В Ростове я пробыл примерно месяц; мне было поручено заведование Обл<астным> О<тделом> Н<ародного> О<бразования>, но, будучи болен, я работал мало и вскоре откомандировался в Харьков, в распоряжение ЦК КП (б) У...

Чтобы быть, по возможности, кратким, перечислю лишь наиболее важные моменты моей деятельности за последние девять лет. Краткость тем более целесообразна, что работа моя протекала уже в мирной обстановке, на глазах у партийных и беспартийных масс. Работал я последовательно – в Одессе, Харькове и Москве.

В Одессе я в течение года (1920–1921 гг.) заведовал областным отделением РОСТА (ЮГРОСТА), сотрудничал в местных «Известиях», редактировал ряд изданий, был секретарем ячейки, работал в районе.

ЮГРОСТА считалось в то время лучшим отделением Телеграфного агентства (не надо забывать, что в задачи последнего тогда входила большая половина функций политпросветов: обслуживание клубов, живые газеты, организация селькоров и т.п.). По моей инициативе, в Одессе, – где к уходу белогвардейцев скопились значительные кадры питерских, московских, киевских и др. журналистов, не успевших бежать за границу и постепенно все же просачивающихся через нее при советской власти (бегство б<ывшего> редактора «Русского слова» Благова, Мильруда⁴⁸ и т.п.), – была проведена первая в СССР мобилизация буржуазных спецов, и они (в числе 100 человек) были прикреплены ко всем газетам Украины. Это дало повод эмигрантской печати начать против меня травлю (статьи: «Агент ЧК», «Невский проспект» и т.п.), продолжавшуюся в течение 9 лет, вплоть до исключения меня из партии (см. в «Последних новостях»⁴⁹ статью «Своя своих не познаша» в октябре 1928 г.)...

В 1921 году постановлением Оргбюро ЦК КП (б) У я был назначен зав. УКРОСТА⁵⁰ и пробыл на этой работе 2 года. Исключительно по моему настоянию УКРОСТА было в корне реорганизовано в РАТАУ (Радио-Телеграфное агентство Украины) при президиуме ВУЦИКа⁵¹, штаты его были сокращены (первое сокращение штатов в советских учреждениях вообще!) с 2500 человек до 150 человек, в основу легли новые система и методы работы,

---

48. Благов Федор Иванович (1866–1934) – журналист, в 1901–1917 гг. главный редактор газеты «Русское слово», в 1919 г. эмигрировал. Мильруд Михаил Семенович (1883–1942) – журналист, сотрудник газеты «Русское слово», в 1920 г. эмигрировал.

49. «Последние новости» – популярная эмигрантская газета, выходившая в Париже с 1920 по 1940 г.

50. УКРОСТА – Украинское отделение Российского телеграфного агентства.

51. Всеукраинский центральный исполнительный комитет (ВУЦИК) – высший орган власти в УССР с 1917 по 1938 г.

послужившие впоследствии образцом для преобразования РОСТА. Достижения РАТАУ были одобрены дважды Всесоюзными съездами работников печати. В этот же период я поднял в печати (газ. «Коммунист»⁵² и др.) вопрос о радиофикации Украины и добился на деле положительных результатов (оборудования 10–15 радиостанций). Само собой разумеется, что и в эти годы, помимо прочего, я вел партработу на предприятиях, в районе, и сотрудничал в общей и специальной прессе. С 1921 же года начинается моя, в виде добровольной нагрузки, профработа: в течение 5 лет я исполнял обязанности члена Президиума Центрального совета секции работников печати, по выбору (на 3-х всесоюзных съездах).

Ввиду моих принципиальных расхождений (в связи с реорганизацией РОСТА) с т. Долецким⁵³, в 1923 году я был отозван в распоряжение ЦК РКП (б) и затем направлен на работу в Агитпроп ЦК⁵⁴ – по линии печати. Здесь я работал около четырех с половиной лет (с 1923 по 1927 г.) – сперва зав<едующим> отделением непериодической печати, потом – зам<естителем> зав<едующего> и зав<едующим> книжно-журнальным п<од>отделом. Работы своей описывать не буду, так как с ней хорошо знакомы такие товарищи (быв. руководители Отдела печати), как т.т. Я. Яковлев, Канатчиков, Варейкис, В. Василевский, С. Гусев⁵⁵ и весьма многие работники центральной и провинциальной печати... Скажу лишь, что именно эта работа, наряду с друзьями, дала мне немало врагов. И, прежде всего, из-за борьбы за пролетарскую художественную литературу. Теперь, окидывая взором это прошлое, я смело утверждаю, что достижение пролетлитературой⁵⁶ настоящего ее уровня обошлось не без значительной доли моего участия.

---

52. Газета «Коммунист», орган ЦК КП (б) У, издавалась с 1918 г.

53. Долецкий Яков Генрихович (1888–1937) – организатор советской печати, в 1921–1925 гг. руководитель РОСТА; покончил жизнь самоубийством.

54. Агитационно-пропагандистский отдел (Агитпроп) ЦК РКП (б) – ВКП (б) существовал с 1920 по 1928 г.

55. Яковлев Яков Аркадьевич (1896–1938) – в 1922–1923 гг. заместитель заведующего Агитпропа, зав. подотделом печати, с 1929 г. – народный комиссар земледелия; расстрелян. Канатчиков Семен Иванович (1879–1937) – в 1924 г. заведующий выделенным из состава Агитпропа Отделом печати ЦК РКП (б) – ВКП (б); расстрелян. Варейкис Иосиф Михайлович (1894–1938) – в 1924–1926 гг. заведующий Отделом печати; расстрелян. Василевский Владимир Николаевич (1893–1957) – в 1925–1927 гг. первый заместитель заведующего Отделом печати, в 1926 г. временно исполнял должность заведующего. Гусев Сергей Иванович (1874–1933) – в 1925–1926 гг. заведующий Отделом печати.

56. Так в тексте.

Выдвижение, широкая популяризация целого ряда писателей (напр., Неверов, Фурманов, Поъячев, Гладков, Ляшко, Бахметьев⁵⁷ и др.), активная поддержка ВАППа, «Кузницы» и О<бщества>ва крестьянских писателей⁵⁸, борьба с Воронским и другими «троцкистами» от литературы и т.п. потребовали применения инструмента, который бы на деле, практически (а не только теоретически) помог осуществить известную цепь мероприятий. Таким инструментом, орудием и явилась организация издательства художественной литературы «Земля и фабрика» (или, как я его окрестил, «ЗИФ»)⁵⁹. Несколько слов о нем, ибо это дело оказалось, волею судеб, завершением моей 9-летней партийной работы. И еще потому, что сейчас «ЗИФ» именуется гордостью всего нашего издательского сектора.

Тов. Сольц, прошу Вас, прочтите со вниманием эти строки!

Издательством «ЗИФ» я заведовал три с половиной года (одно время по совместительству с работой в аппарате ЦК). Это издательство постановлением Секретариата ЦК партии (в феврале-марте 1925 г.) было предназначено к ликвидации, и я буквально выпросил у т.т. Варейкиса и Сырцова (тогдашних руководителей Отдела печати и АПО)⁶⁰, которым было поручено окончательное разрешение данного вопроса, право на опыт по превращению «Земли и фабрики» (изд-ва, выпускавшего в небольшом количестве всякого рода книгу: профессиональную, научную, частично – художественную и т.п., нередко чисто макулатурного характера) в первое в СССР типизированное издательство художественной литературы. «Земля и фабрика» стояла в то время среди прочих издательств на одном из последних мест, никакой репутацией не пользовалось и переживала такой финансовый кризис, что для укрепления материальной базы мне как Председателю правления (в каковое я же привлек Д. Бедного), приходилось прибегать прямо к героическим шагам (о чем можно порассказать немало интересного)...

---

57. Неверов Александр Сергеевич (1886–1923), Фурманов Дмитрий Андреевич (1891–1926), Подъячев Семён Павлович (1866–1934), Гладков Фёдор Васильевич (1883–1958), Ляшко Николай Николаевич (1884–1953), Бахметьев Владимир Матвеевич (1885–1963) – советские писатели, сотрудничавшие с журналом «30 дней» и печатавшие свои произведения в издательстве «Земля и фабрика».

58. ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), «Кузница», Всероссийское Общество крестьянских писателей – литературные группировки 1920-х годов, к основанию и деятельности которых Нарбут имел непосредственное отношение.

59. Государственное акционерное издательское общество «Земля и фабрика» было организовано в 1922 г. по инициативе ЦК профсоюза бумажников; Нарбут возглавил его в 1925 г. В 1930 г. вошло в состав Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ).

60. Сырцов Сергей Иванович (1893–1937) – в 1924–1926 гг. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом (АПО) ЦК РКП (б) – ВКП (б); расстрелян.

В этом изд-ве я 3½ года работал буквально за десятерых: все свободное время я убивал на работу в нем и для него, не жалея здоровья, отказавшись от личной жизни (театры и т.п. стали для меня роскошью!), не удивляясь тому, что сплошь и рядом возвращаться домой из изд-ва и обедать мне приходилось в 10–11 час. вечера, чтобы затем опять работать и работать, до глубокой ночи... За этот период мной прочитаны тысячи рукописей, десятки тысяч печатных листов и т.д., даны тысячи указаний вновь подобранным, часто неопытным работникам, перевоспитаны старые работники, введены (впервые в издательском деле): плановое начало, конференции подписчиков (их было 3, с общим количеством свыше 5000 человек), с отчетом изд-ва о проделанной работе, предподписные анкеты (откликнулось свыше 10 000 подписчиков), прохождение предназначенной к выпуску продукции через Главполитпросвет и ГУС⁶¹, наконец, добровольный сбор денег подписчиков – пятаков и гривенников – на военный самолет (к моменту моего «ухода» из «ЗИФа» было собрано около 7000 руб., причем в пожертвованиях приняли участие десятки тысяч читателей зифовских ежемесячников!)

И вот, в результате, совершилось «чудо»: о «ЗИФе» заговорили везде (в ЦК, в издательских и авторских кругах, на библиотечных съездах и среди писателей и т.п.), с последнего места в среде других издательств «ЗИФ» шагнул на 2-е место (после ГИЗа⁶²).

Пролетарская литература выросла не на словах, а на деле, сделалась крупным фактором культурной революции (напр., «Цемент» Гладкова⁶³ выпущен «ЗИФом» в количестве 150–160 тыс. экз., «Разгром» Фадеева⁶⁴ – в 50 000 экз., «Ташкент – город хлебный» Неверова⁶⁵ – в 170 000 экз. и т.д.). Ряд заводов и фабрик (в том числе «Путиловец» и «Сормово»)⁶⁶ поручили

---

61. Главполитпросвет (Главный политико-просветительский комитет, 1920–1930 гг.) и ГУС (Государственный ученый совет, 1919–1933 гг.) существовали при Наркомпросе РСФСР. Функции этих организаций были схожими: Главполитпросвет под руководством Н.К. Крупской занимался партийно-просветительской работой среди широких масс населения; ГУС под руководством М.Н. Покровского организовывал коммунистическое образование и науку.

62. Государственное издательство (ГИЗ, Госиздат) – крупнейшее советское издательство, существовавшее с 1919 г., с 1921 г. объединяло большинство государственных региональных издательств. В 1930 г. на основе ГИЗа возник ОГИЗ.

63. Роман Ф.В. Гладкова «Цемент» выпущен издательством «Земля и фабрика» в 1926 г.

64. Роман А.А. Фадеева «Разгром» выпущен издательством «Земля и фабрика» в 1928 г.

65. Роман А.С. Неверова «Ташкент – город хлебный» выпущен издательством «Земля и фабрика» в 1923, в 1925 и 1927 гг. был переиздан тем же издательством.

66. «Путиловец» (Путиловский завод, «Красный Путиловец») – машиностроительный и военный завод, существующий с 1801 г. в Санкт-Петербурге (Ленинграде).

комплектование своих библиотек исключительно «ЗИФу». Тиражи зифовских журналов, начатых мной же, достигли: «30 дней» – 40 000 экз. (это – ежемесячник), «Всемирный следопыт» – 125 000 экз. (тоже ежемесячник), «Турист» – 120 000 экз. (ежемесячник), «Вокруг света»⁶⁷ (двухнедельник) за 2 года своего существования дошел до 300 000 экз. каждый номер. Всего за 3½ года «ЗИФом» выпущено свыше 1000 названий книг и около 120 №№ журналов, причем ни один номер журнала не выходил без моей редакции, ни одна книга не выпускалась без моего просмотра. Судя по 2500–3000 отзывам прессы («Правды», «Известия» и т.п.), лишь 6–7% всей продукции, выброшенной за этот срок, следует отнести к разряду неудачной (параллельно, в ГИЗе – 12–15%), зато – почти 50% – к рекомендательной. По этой оценке можно судить о качестве организационной и редакционной работы изд-ва. Что касается материального положения «ЗИФа», то, начав дело с фиктивными (издательство в лето 1925 г., будучи затоварено, находилось накануне краха) 75–100 тыс. руб. и пустой кассой, я ко времени своего невольного «отхода» от работы оставил собственно зифовский капитал в 750–800 тыс. руб., из них 250–300 тыс. постоянно на текущем счету...

Кроме того, в наш издательский сектор поступило два-три десятка моих выученников, практических работников далеко незаурядной квалификации. Среди них ряд коммунистов. Количество последних в издательстве за 3½ года моего пребывания, увеличилось вот так: до меня на 80 сотрудников имелся всего 1 член партии и 1 кандидат; в октябре 1928 г. (когда я ушел из издательства) 35 коммунистов и 15 комсомольцев на 160 сотрудников... Единственный выдвиженец – рабочий (г. Покатнев), член партии, взят именно мной через МК⁶⁸, после своей «задвигки» каким-то текстильным трестом... НКРКИ⁶⁹ дважды обследовал «ЗИФ», и оба раза состояние работы

«Сормово» («Красное Сормово» – судостроительный завод в Нижнем Новгороде, существующий с 1849 г. Оба завода славились своими революционными традициями.

67. «30 дней» – ежемесячный художественно-литературный журнал, выходивший с января 1925 по 1941 г.; первоначально издателем журнала была газета «Гудок», а с декабря 1925 по 1930 г. – ЗИФ. «Всемирный следопыт» – журнал путешествий, приключений и научной фантастики; издавался с января 1925 по 1931 г.; до декабря 1925 г. выходил при газете «Гудок», затем издателем стал ЗИФ. «Турист» («Всемирный турист») – журнал, посвященный вопросам туризма, приложение к журналу «Всемирный следопыт», издавался с 1928 по 1932 г. «Вокруг света» – возобновленное в 1927 г. издание дореволюционного научно-популярного и страноведческого журнала с таким же названием; до 1930 г. издавался как приложение к журналу «Всемирный следопыт». До 1928 г. ответственным редактором всех этих журналов был Нарбут.

68. МК – Московский комитет партии.

69. НКРКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, орган государственного контроля; существовал с 1920 по 1934 г.

последнего было определено как лучшее среди изд-в. Отдел печати ЦК, заслушав доклад «ЗИФа», нашел ее вполне удовлетворительной. А голос писателей (в первую очередь пролетарских)? Голос подписчиков (хотя бы на тех же ежегодных конференциях-отчетах?) Библиотекарей, читателей?

Поинтересовался ли кто-нибудь всерьез, тов. Сольц, тем, чтобы на «ЗИФе», как на конкретном примере, проверить наши баснословные социалистические возможности? И одновременно, чтобы приглядеться к тому, кто и как строил и построил это живое, нужное, наше дело!.. Ведь так много говорят у нас о подборе работников, настоящих строителях социализма...

Я кончаю. В «награду» (для меня подлинной наградой всегда являлось лишь социалистическое соревнование, пафос строительства) я имел и имею: белогвардейскую травлю, поддержанную Воронским вкупе с явными и скрытыми «троцкистами»⁷⁰ (и самое-то «разоблачение» меня явилось следствием этой кампании)⁷¹, исключение из партии, глубокий позор, негласный общественный бойкот, материальную нужду (дошло до того, что я продал свою библиотеку), тяжелое моральное состояние, полную неясность впереди... Справедливо ли это, тов. Сольц? Не слишком ли жестоко? Не рано ли надо мной ставится крест, когда я могу и хочу работать, когда налицо и все предпосылки для этой работы? Не дико ли вообще, что в стране, где неграмотных почти 60%, где кричат о культурной революции, реконструкции, строительстве, где столько дела, я – вот уже в течение полугодия – сижу без работы!.. «Мертвый хватает живого»⁷²...

И какая злая ирония: уйти от литературной богемы, от своего проклятого дворянского прошлого в ряды коммунистической партии, пробыть в них (с явной пользой для рабочего класса) десять лет⁷³, в корне измениться самому (и, конечно, к лучшему), чтобы... вернуться к разбитому корыту.

Почему, тов. Сольц, подошли ко мне именно так? Почему, осуждая меня, смотрели назад, а не вперед? Наказывали только за прошлое, за эпизодическое, за отдельный случай, не приняв во внимание всего диалектического

---

70. А.К. Воронский был активным троцкистом, членом «левой оппозиции»; в 1927 г. исключен из партии и сослан в Липецк; в 1937 г. расстрелян.

71. Участие Воронского или кого-то из близких к нему людей в «кампании» против Нарбута в 1928 г. документально не подтверждается.

72. Французская пословица «мертвый хватает живого» была широко распространена в СССР в связи с тем, что ее процитировал К. Маркс в предисловии к 1-му тому «Капитала».

73. Точная дата вступления Нарбута в партию неизвестна. Он утверждал, что вступил в нее в 1917 г. и – соответственно – к 1927 г. его партийный стаж составлял 10 лет. Однако в процитированном выше сообщении в «Правде» об исключении Нарбута из партии указывается, что он «вступил в организацию» в 1919 г., после освобождения из ростовской тюрьмы.

процесса (стал я за эти 10 лет лучше или хуже? полезен ли я для социализма и чем? И т.п.)? Почему, наконец, мне не назначили никакого испытания, а просто вышвырнули, как ненужную вещь?..

Я очень прошу Вас, тов. Сольц, читая это письмо, верить, что оно писано совершенно честно и искренно. Прошу также, если найдете нужным, дать мне тот или иной совет.

6 марта 1929 г. В. Нарбут

Тел<ефон>: 1–26–45

Адр<ес>: Александровская улица, д. № 8, кв. 18.

[12, л. 103–109]

Библиография

1. Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Владимир Нарбут. Стихотворения. М.: Современник, 1990. С. 5–44.
2. Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 360 с.
3. <Захаров>-М<энский Н.> Нарбут В.И. // Литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1934. Стлб 567.
4. Катаев В.П. Бездельник Эдуард. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 152 с.
5. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Советская карьера акмеиста: Материалы к биографии Владимира Нарбута // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 41–98.
6. Кожухаров Р.Р. Владимир Нарбут между большевизмом и христианством // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 468–472.
7. Кожухаров Р.Р. Путь Владимира Нарбута. Идеиные искания и творческая эволюция. Дисс. на... канд. фил. наук. Специальность 10.01.01 – Русская литература. М., 2009. 171 с.
8. Крюков А.С. Воронежский год Владимира Нарбута // Сирена. Пролетарский двухнедельник. Воронеж, 1918–1919. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. С. 168–187.
9. Ленин В.И. Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т.е. при слушании речей на собраниях) // Правда. 1924. 3 дек.
10. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Сирена. Пролетарский двухнедельник. Воронеж, 1918–1919. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. С. 144.
11. Нарбут В.И. Автобиография // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 16085.
12. Персональное дело В.И. Нарбута // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. 122 л.
13. Перцев В.А. История создания и деятельности Воронежской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 гг. // Исторические записки. 2001. № 7. С. 45–67.
14. Сольц А.А. Как провести чистку // Правда. 1929. 24 февр.
15. Тименчик Р.Д. Нарбут В.И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 227–230.
16. Шаргунов С.А. Катаев: Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2016. 704 с.

References

- Bjalosinskaja N., Panchenko N. Kosoj dozhd' // Vladimir Narbut. Stihotvorenija. Moscow: Sovremennik, 1990. P. 5–44.
- Dinershtejn E.A. A.K. Voronskij: V poiskah zhivoj vody. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2001. 360 p.
- Kataev V.P. Bezdel'nik Jeduard. Moscow; Leningrad: GIZ, 1925. 152 p.
- Kijanskaja O.I., Fel'dman D.M. Sovetskaja kar'era akmeista: materialy k biografii Vladimira Narbuta // Voprosy literatury. 2015. N 1. P. 41–98.
- Kozhuharov R.R. Put' Vladimira Narbuta. Idejnye iskanija i tvorcheskaja jevoljucija. Diss. na... kand. fil. nauk. Special'nost' 10.01.01 – Russkaja literatura. Moscow, 2009. 171 p.
- Kozhuharov R.R. Vladimir Narbut mezhdru bol'shevizmom i hristianstvom // Voprosy literatury. 2009. N 3. P. 468–472.
- Krjukov A.S. Voronezhskij god Vladimira Narbuta // Sirena. Proletarskij dvuhnedel'nik. Voronezh, 1918–1919. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 2013. P. 168–187.
- Lenin V.I. Ob ochistke russkogo jazyka (Razmyshlenija na dosuge, t.e. pri slushanii rechej na sobranijah) // Pravda. 1924. 3 Dec.
- Mandel'shtam O.E. Utro akmeizma // Sirena. Proletarskij dvuhnedel'nik. Voronezh, 1918–1919. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 2013. P. 144.
- Narbut V.I. Avtobiografija // RGASPI. F. 17. Op. 100. D. 16085.
- Percev V.A. Istorija sozdanija i dejatel'nosti Voronezhskoj gubernskoj chrezvychajnoj komissii v 1918–1922 gg. // Istoricheskie zapiski. 2001. N 7. P. 45–67.
- Personal'noe delo V.I. Narbuta // RGASPI. F. 589. Op. 2. D. 4907. 122 l.
- Shargunov S.A. Kataev: Pogonja za vечноj vesnoj. Moscow: Molodaja gvardija, 2016. 704 p.
- Sol'c A.A. Kak provesti chistku // Pravda. 1929. 24 Feb.
- Timenchik R.D. Narbut V.I. // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. Moscow; Saint Petersburg: Bol'shaja rossijskaja enciklopedija, 1999. Vol. 4. P. 227–230.
- Z<aharov>-M<jenskij N.> Narbut V.I. // Literaturnaja jenciklopedija. T. 7. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1934. Stlb 567.